

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Развитие социальной инфраструктуры в провинциальном городе в
начале XX века»

Обучающийся

Н.А. Захаров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. ист. наук, доц., Н.М. Румянцева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию процесса развития и модернизации социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века (1900-1917 гг.) в составе Российской империи.

Актуальность обусловлена необходимостью понимания процессов модернизации в Центральной Азии и уроков межкультурного взаимодействия. Объектом является город Самарканд, предметом – развитие его социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, культура, городская среда).

Цель – всестороннее изучение специфики модернизации социальной инфраструктуры Самарканда. Исследованы состояние ключевых сфер, факторы модернизации, влияние имперской политики и взаимодействие культур. Применены анализ исторических источников, сравнительно-исторический и статистический методы.

Основные результаты и выводы: Установлено, что модернизация социальной инфраструктуры Самарканда имела противоречивый характер. Имперская политика способствовала появлению новых учреждений и развитию городской среды, но эти процессы часто отвечали интересам администрации, сохраняя элементы колониальной зависимости и приводя к асимметричному культурному взаимодействию.

Научная новизна заключается в комплексном анализе социальной инфраструктуры Самарканда как единой системы под влиянием имперской интеграции. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов для дальнейших исследований и в учебном процессе.

Работа включает введение, две главы, заключение, список литературы (43 источника) и 3 приложения.

Ключевые слова: Самарканд, социальная инфраструктура, модернизация, начало XX века, Российская империя, образование, здравоохранение, Туркестан.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Самарканд на рубеже XIX-XX веков: социально-экономическое положение и состояние городской инфраструктуры	8
1.1 Административно-территориальное, демографическое и экономическое положение Самарканда в составе Российской империи	8
1.2 Состояние социальной инфраструктуры Самарканда на начало XX века	33
Глава 2 Модернизация социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века	44
2.1 Развитие образования и здравоохранения: новые учреждения и подходы.....	44
2.2 Трансформация городской среды и культуры: влияние модернизации инфраструктуры	50
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников	62
Приложение А Динамика численности населения.....	66
Приложение Б Рост населения городов в разные годы.....	67
Приложение В Распределение труда по самаркандской области.....	68

Введение

Начало XX века ознаменовало собой переломный этап в многовековой истории Самарканда, связанный с его вхождением в состав Российской империи и последующими масштабными трансформациями во всех сферах жизни. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания сложных процессов модернизации в Центральной Азии на примере одного из ключевых городов региона. Изучение развития социальной инфраструктуры Самарканда в указанный период позволяет не только проследить динамику взаимодействия русской и среднеазиатской культур, преобразование городской среды и повседневности, но и выявить специфику имперской политики и ее влияния на традиционные общественные институты. Анализ становления систем образования, здравоохранения и культуры в условиях имперского управления дает возможность оценить как прогрессивные изменения, так и противоречия, сопутствовавшие интеграции региона в общероссийское пространство. Опыт Самарканда представляет собой уникальный исторический пример адаптации древнего городского центра к новым политическим и социально-экономическим реалиям, что придает его изучению особую значимость для осмысления как исторических, так и современных модернизационных процессов в Центральноазиатском регионе, а также для выявления уроков межкультурного взаимодействия в условиях асимметричных властных отношений.

Степень изученности проблемы. История Самарканда и Туркестанского края периода конца XIX — начала XX веков привлекала внимание исследователей различных поколений. Фундамент для изучения региона, его культуры и этнографии был заложен классическими трудами В.В. Бартольда. Значительный вклад внесли дореволюционные и советские ученые, такие как Н.П. Остроумов, В.Л. Вяткин, В.В. Радлов, А.Л. Кун, В.А. Шишкин, Т.С. Саидкулов, чьи работы осветили различные аспекты административного устройства, экономики и культуры. Современные историки продолжают

разрабатывать данную проблематику, фокусируясь на социальных и культурных преобразованиях, процессах развития образования и здравоохранения, а также на анализе влияния российской администрации на традиционные социальные институты. Однако, несмотря на обширный корпус литературы, посвященной отдельным сторонам социально-экономической и культурной жизни Самарканда и Туркестана, комплексное исследование трансформации именно социальной инфраструктуры города (образования, здравоохранения, культуры и городской среды) как взаимосвязанной системы под влиянием модернизационных процессов начала XX века, с акцентом на взаимодействии имперских инициатив и местных реалий, остается недостаточно разработанным аспектом. Существующие работы зачастую рассматривают эти сферы изолированно, что не позволяет в полной мере оценить синергетический эффект и противоречия модернизации. Данная работа призвана восполнить указанную проблему.

Объектом исследования является город Самарканд в составе Российской империи в начале XX века, рассматриваемый в контексте его административного, социально-экономического и демографического развития.

Предметом исследования выступает процесс развития и модернизации социальной инфраструктуры Самарканда (включая образование, здравоохранение, культуру и трансформацию городской среды) в период с 1900 по 1917 год, а также факторы, влиявшие на этот процесс, и его региональные особенности.

Источниковая база исследования характеризуется разнообразием и включает комплекс неопубликованных и опубликованных материалов. Основу неопубликованных источников составили фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА УзССР, в частности фонды 1, 5), содержащие делопроизводственную документацию по административному управлению, экономическому и социальному развитию Самаркандской губернии. Опубликованные источники представлены:

- законодательными актами (Положения об управлении Туркестанским краем, Свод законов);
- статистическими материалами (данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., обзоры Самаркандской области);
- периодической печатью («Туркестанские ведомости», «Военный сборник»);
- источниками личного происхождения (мемуары и записки путешественников и исследователей – В.В. Верещагина, А. Вамбери, Ф. Назарова, Н.П. Остроумова).

Цель исследования – всестороннее изучение специфики развития и модернизации социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать состояние и динамику развития систем образования, здравоохранения и культуры в Самарканде в указанный период;
- выявить ключевые факторы (политические, экономические, социокультурные), влиявшие на трансформацию социальной инфраструктуры города;
- оценить степень и характер влияния имперской политики на традиционные социальные институты Самарканда;
- исследовать формы и результаты взаимодействия российской и среднеазиатской культур в контексте модернизации социальной сферы.
- выявить специфические особенности развития социальной инфраструктуры Самарканда в сравнении с другими городами Туркестанского края;

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Впервые предпринят комплексный анализ развития социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения, культуры и городской

среды) Самарканда начала XX века как единого, взаимосвязанного процесса модернизации под влиянием имперской интеграции;

– На основе анализа широкого круга источников, включая архивные материалы ЦГА УзССР, системно рассмотрено взаимодействие имперских модернизационных инициатив и местных традиций в процессе трансформации социальной сферы провинциального города;

– Определена специфика влияния российской имперской политики на различные компоненты социальной инфраструктуры Самарканда, выявлены как стимулирующие, так и сдерживающие факторы этого влияния;

– В научный оборот вводятся или по-новому интерпретируются данные, характеризующие динамику и особенности модернизационных процессов в социальной сфере Самарканда;

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 по 1917 год. Нижняя граница обусловлена вступлением в XX век, активизацией модернизационных процессов после полного утверждения российского управления и строительства Закаспийской железной дороги. Верхняя граница связана с Октябрьской революцией 1917 года, кардинально изменившей вектор развития региона.

Географические рамки исследования ограничены городом Самарканд и его ближайшими окрестностями, что позволяет детально рассмотреть процессы на микроуровне, учитывая специфику городского центра.

Методологическая основа исследования – общенаучные и специальные исторические методы. Принципы историзма и объективности позволили рассмотреть явления в их развитии и взаимосвязи. Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления развития Самарканда с другими городами региона, статистический – для анализа демографических и социально-экономических данных, проблемно-хронологический – для структурирования материала. Применялись также анализ и синтез исторических источников.

Глава 1 Самарканд на рубеже XIX-XX веков: социально-экономическое положение и состояние городской инфраструктуры

1.1 Административно-территориальное, демографическое и экономическое положение Самарканда в составе Российской империи

Самарканд, известный в античности также под греческим именем Мараканда, является одним из древнейших и ключевых городских центров на территории современного Узбекистана. Его история уходит корнями в глубь веков, по меньшей мере до VIII-VII веков до н.э., но именно в IV столетии до нашей эры он заявляет о себе на мировой арене, попадая во внимание античных историков благодаря завоевательным походам Александра Македонского. Уже тогда Мараканда, будучи процветающей столицей Согдианы, была защищена мощными оборонительными стенами, что, однако, не спасло ее от частичного разрушения войсками завоевателя. Пережив сложный период, последовавший за этим потрясением и отмеченный относительным упадком, город вновь обретает вес к V веку нашей эры: китайские хроники того времени фиксируют его под наименованием Са-мо-киен (薩末建). К началу VII века Самарканд не просто возрождается, но и утверждается в статусе неоспоримого политического, экономического и, вероятно, культурного гегемона Согдийской области, служа резиденцией ее правителей – ихшидов [43, с. 4-5].

Перейдя чуть дальше во временном отрезке, ко времени арабских завоеваний, местоположением Самарканда служила территория Афрасиаба – древнего городища, локализованного к северо-востоку от современного Самарканда на территории Узбекистана. Местом, вокруг которого начал развиваться город, стала хорошо защищенная цитадель. В город посредством транспортировки по акведуку доставлялась вода. На площади Регистан,

которая и сегодня является главной достопримечательностью города (причем «Регистаном» именовали центральные площади во многих городах Среднего Востока), правители вершили суды и проводили шествия войск. Кроме того, местоположение Самарканда, позволяло ему быть ключевым торговым узлом на караванных маршрутах, связывавших Китай со Средиземноморьем и пролежавших через Бухару, сам Самарканд и Ташкент [43, с. 6].

Эпоха правления Амира Тимура, выходца из влиятельного рода барласов Шахрисабза, ознаменовала собой апогей расцвета Самарканда, превратив его в подлинную жемчужину Востока. Грандиозные завоевательные походы Тамерлана, простиравшиеся от Индии до Средиземноморья, не только расширили империю, но и обогатили ее сердце – Самарканд. По велению этого грозного правителя и тонкого ценителя прекрасного, сюда со всех покоренных земель стекались искуснейшие зодчие, каллиграфы, художники и ремесленники, превращая город в ослепительную витрину имперской мощи и культурного синтеза. Город опоясали новые крепостные стены с глубокими рвами, а в его цитадели вознесся не только дворцовый комплекс Кок-Сарай с арсеналом, но и легендарная соборная мечеть Биби-Ханым, чьи грандиозные порталы и купола, облицованные лазурной плиткой, должны были поражать воображение современников. После смерти Тимура эстафету правления принял его сын Шахрух, а затем внук – Улугбек, выдающийся ученый-астроном. Именно Улугбек, избравший Самарканд столицей своего удела в Мавераннахре, обессмертил свое имя не столько военными походами, сколько созданием уникальной для своего времени обсерватории и составлением точнейшего звездного каталога «Зидж-и Гургани». Однако трагическая гибель просвещенного правителя стала переломным моментом: фокус культурной и научной жизни тимуридского мира постепенно сместился в Герат. Самарканд же, утратив былое величие, погрузился в период относительного застоя, сопровождавшегося усилением влияния консервативного духовенства. На излете XV – в начале XVI века некогда могущественная держава Тимуридов окончательно ослабела и пала

под натиском кочевых узбекских племен во главе с Шейбани-ханом [43, с. 16, 21].

Двигаясь ближе к рассматриваемому периоду, перед вхождением в состав Российской империи, Самарканд уже прочно утвердился как один из ключевых центров ремесленной деятельности и коммерции, чье значение выходило далеко за территориальные рамки Бухарского ханства, распространяясь на весь среднеазиатский регион [17, стр. 44]. И что действительно примечательно, что если в 1841 году городская инфраструктура Самарканда включала всего два караван-сарая, построенных из камня [9, с. 26], то к моменту интеграции с Россией число действующих караван-сараяев в городе достигло 35 [41, л. 124].

И таким образом, пройдя многовековой путь от античной столицы Согдианы через имперский расцвет при Тимуридах и последующие периоды упадка, Самарканд к XIX веку не просто возродил, но и значительно укрепил свой статус ключевого торгово-ремесленного центра Средней Азии, что более подробно раскрывается дальше в ходе исследования.

Сразу же после присоединения Самарканда к России, царские власти и российские военно-промышленные круги уделили большое внимание увеличению производства хлопка, одновременно проводя эксперименты по выведению новых сортов. В 1869 году их интересовало достижение амбициозной цели, вывести самый лучший сорт хлопка. Стоит отметить, что имперские специалисты по ирригации критиковали способы местного сельскохозяйственного водоотведения, указывая, что большая часть воды испаряется и тратится нерационально [33, с. 163]. Тем не менее В.Д. Соколов, описывая туркестанский Самарканд, наряду с сохраняющейся проблемой водоснабжения, с гордостью отмечает позитивные изменения, связанные с российским влиянием: развитие инфраструктуры, механизацию и аграрные инновации. Он подчеркивает трудолюбие местных жителей, их адаптивность к новым технологиям в сельском хозяйстве, и призывает к осторожной переселенческой политике из-за ограниченности плодородных земель. Для

успеха русских колонистов Соколов считает важным заимствование местного опыта, видя в грамотном управлении ключ к раскрытию сельскохозяйственного потенциала региона [33, с. 163]. В дополнение к вышесказанному в 1870 году полковник Н. Раевский, известный специалист по хлопку, организовал первую хлопковую плантацию в Самарканде на площади 9 танапов (мера площади, различная в разных районах; от 0,14 до 0,5 гектара) орошаемой земли [26, с. 113].

При всей начальной организации по выращиванию хлопка, основными его производителями были мелкие хозяйства. Под непрерывным давлением метрополии им было поручено из года в год расширять свои сельскохозяйственные владения, что сперва казалось вполне реализуемой задачей, учитывая внедрение новых технологий и опыта. Однако попытки некоторых крупных хлопководческих хозяйств повысить доходы хлопковых ферм за счет использования новой техники вместо дорогостоящего ручного труда не принесли ожидаемых результатов. По большей части такие плантации оказались нерентабельными и поочередно закрывались. Понимая сложность совладать с ограниченными водными ресурсами и географическими условиями, тем не менее в самаркандской губернии к концу 90-х годов XIX века существовали плантации Мейркортского товарищества, имевшие до 210 десятин земли, а в районе Ходжентского уезда находилась хлопководческая фабрика товарищества Большой Ярославской мануфактуры, имевшая 140 десятин орошаемой земли. Однако, такого количества было недостаточно для реализации изначально поставленных задач [19, с. 6].

Таким образом, первоначальные шаги по интенсификации хлопководства в Самаркандском регионе, предпринятые сразу после его интеграции в состав Российской империи, обнажили комплекс системных вызовов. Стремление к быстрому наращиванию объемов производства и внедрению новых агротехнических решений вступило в очевидное противоречие с ограниченностью водных ресурсов, критикой традиционных методов ирригации и, что немаловажно, со структурой местного

землепользования, где доминировали мелкие хозяйства. Неэффективность первых крупных плантаций, несмотря на попытки механизации, уже на данном этапе указывала на то, что достижение амбициозных целей метрополии в хлопковой сфере потребует не простого масштабирования или административного давления, а выработки более адаптированных подходов, учитывающих как природно-климатические, так и социально-экономические реалии региона. Это ставит вопрос о том, какие именно стратегии окажутся жизнеспособными в дальнейшем и удастся ли преодолеть обозначившиеся трудности для удовлетворения растущих потребностей имперской промышленности.

Можно также выделить такую значимую особенность местного сельского хозяйства, что одновременно с ростом хлопководства в Самаркандской губернии, быстро развивались виноградарство, садоводство и шелководство.

Зеравшанская долина была основным виноградарским районом Туркестанского края. Особенно с древнейших времен Челеский, Хожа-Ахрорский, Дабигский, Угрутский, Махалинский районы, как и город Самарканд в Самаркандской губернии славились производством разнообразных сортов винограда. Из всех сельскохозяйственных хозяйств, благодаря наиболее подходящим условиям и внедрению технологий стоит выделить наиболее успешные районы в виноградарстве: в Махалинском районе - 93% хозяйств, а в Кал-Курганском районе Катта-Курганского уезда 53% хозяйств занимались исключительно виноградарством [21, с. 7].

Шелководство также играло одну из важных ролей в сфере экономики Самаркандской губернии. После присоединения Самарканда к России, русские промышленные и торговые круги старались завладеть торговлей шелкопряда, скупкой коконов, переработкой и экспортом в Россию и другие страны [26, с. 118].

Следовательно, представленные сведения указывают не просто на параллельное развитие различных сельскохозяйственных отраслей в

Самаркандской губернии наряду с приоритетным хлопководством, но и на формирующуюся территориальную специализацию. Этот процесс, особенно ярко проявившийся на рубеже XIX-XX веков, свидетельствует о глубокой перестройке аграрной экономики региона. Он не только отражает адаптацию к природно-климатическим условиям и экономическим запросам, но и, что крайне важно, сигнализирует о более фундаментальных сдвигах: интенсификации товарно-денежных отношений и, как следствие, неизбежной трансформации социальной структуры дехканских хозяйств. Именно это нарастающее расслоение и потенциальное обезземеливание части производителей, вызванное переходом к рыночным механизмам, вероятно, и станет одним из ключевых факторов, определяющих дальнейшую социально-экономическую динамику в регионе.

Теперь необходимо комплексно подойти к вопросу численности населения Самарканда в XIX веке. Реконструкция демографических процессов в Бухарском ханстве первой половины XIX века представляет собой значительную исследовательскую проблему, обусловленную фрагментарностью, разнородностью и зачастую взаимной противоречивостью доступных исторических источников. Такая ситуация не только усложняет получение точных количественных показателей, но и показывает системные трудности ведения и сохранения статистического учета в изучаемую эпоху, вероятно, связанные с отсутствием централизованных механизмов сбора данных или спецификой их фиксации в условиях доиндустриального общества. Однако несмотря на эти методологические ограничения, такой анализ совокупности косвенных свидетельств и имеющихся нарративных источников позволяет предположить устойчивую тенденцию к урбанизации, то есть к росту городского населения, в регионе. Ключевым стимулом этого процесса, по всей видимости, выступала интенсивность коммерческих связей, в первую очередь с Российской империей, что, в свою очередь, ставит вопрос о степени влияния внешнеэкономических факторов на внутреннюю социально-демографическую структуру ханства и требует дальнейшего

изучения характера этих торговых отношений – были ли они равноправными, каков был товарный обмен, и как он трансформировал не только экономику, но и социальный ландшафт бухарских городов, возможно, способствуя формированию новых социальных страт или изменению существующих.

Изучать демографию Самарканда середины XIX века непросто, так как оценки численности его населения, которые давали современники, сильно разнятся. Например, Е.К. Мейендорф (1820) [15] и В.В. Радлов (1868) [24, с. 39] говорили примерно о 10 000 жителей, А. Вамбери (1863) [1] – о 20 000, Н.В. Ханыков (1841) [38, с. 32] – о 25 000, а А.П. Федченко (1869) [37, с. 50] – даже о 30 000 человек. Это разнообразие цифр, скорее всего, объясняется не только тем, что не было единых способов подсчета, а также тем, что политическая обстановка влияла на доступ к данным и на их толкование. Возможно, это также отражает настоящие изменения численности населения, политической нестабильности или экономических подъемов и спадов. Эта неясность с фактами создает трудности не только для точного определения числа жителей, но и заставляет усомниться, можно ли надежно установить его сословный состав.

В то же время, источники указывают на высокую плотность населения во всем Зеравшанском округе [36]. По оценкам того времени, она была выше, чем во многих регионах России, и сравнима с самыми плодородными землями Западной Европы [14]. Интересно, что после присоединения к Российской империи этим густонаселенным и важным с точки зрения стратегии регионом управляли сначала иначе, чем другими частями Туркестана. В официальном письме военному министру от 18 октября 1869 г. Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман отмечал, что «Временное положение» для Зеравшанского округа (разработано и утверждено в июле 1868 г.) специально не включало мер по «постепенной русфикации края». Такие меры были в проектах для Семиреченской и Сырдарьинской областей, но здесь их убрали из-за «политических и других соображений» [21, с. 31]. Это говорит о том, что имперская администрация действовала практично и по-разному подходила к

разным территориям. Вероятно, она понимала, что из-за большой плотности местного населения и сильных местных традиций проводить русификацию в этом регионе будет сложно. Сам этот факт важен для понимания того, как именно Центральная Азия входила в состав империи, и подчеркивает необходимость учитывать местные особенности при анализе имперской политики [39, с. 31].

Правовая основа для включения Зеравшанского региона в административную систему Туркестанского края, согласно «Временным положениям», была довольно противоречивой. Так, с одной стороны, округ формально не считался частью Российской империи, но с другой – он напрямую подчинялся начальнику края, который действовал по секретным указаниям царского правительства. Такой юридический подход, вероятно, был призван уменьшить возможную напряженность в отношениях с другими государствами и, вероятно, создать для местного населения видимость сохранения некоторой самостоятельности, хотя на деле вся реальная власть находилась в руках имперских чиновников. Примечательно, что при определении границ между Самаркандской и Катта-Курганской частями округа администрация опиралась на уже существовавшие рубежи, которые описывались как «существовавшие между Самаркандским и Катта-Курганским округами» [21, с. 32]. Это говорит о практичном подходе: колониальная власть стремилась использовать имевшиеся структуры для упрощения управления, но одновременно изменяла их в соответствии со своими целями.

Действительно, «Временное положение» не просто объявляло о переходе власти к царю; оно также закладывало фундамент для формирования местных органов управления, лояльных империи, путем включения в них традиционных фигур – аксакалов и аминов. Однако основной задачей, поставленной перед колониальной администрацией, было обеспечение политической стабильности. Этого планировалось достичь через завоевание преданности местного населения, что четко отражено в директиве «привязать

влиятельных туземцев к русской власти» [21, с. 32]. Этот момент указывает не столько на стремление к эффективному управлению, сколько на желание создать прочную опору для имперского контроля, привлекая на свою сторону местную элиту. Такой вариант стратегии является распространенным примером колониального правления, где формальное сохранение местных институтов лишь маскирует их реальное подчинение и использование в интересах метрополии.

Логичным шагом после учреждения особого Зеравшанского округа стала срочная необходимость точно определить его административные границы. Для решения этой задачи была сформирована специальная комиссия во главе с Абрамовым. В результате ее деятельности были не просто уточнены карты, а фактически создано новое административное деление: на землях бывших Самаркандского и Катта-Курганского округов образовали две разные области. При этом Самаркандский округ включил три района (11 населенных пунктов), а Катта-Курганский – один район (16 населенных пунктов) [21, с. 28]. Такое перекраивание территорий, вероятно, диктовалось не только соображениями удобства управления. Возможно, целью было создание административных единиц, которые было бы легче контролировать, с которых удобнее собирать налоги. Не исключено также, что это делалось для ослабления старых территориальных связей и идентичности местного населения, что могло бы способствовать более глубокой интеграции такого региона в имперскую систему.

Несмотря на начавшиеся административные преобразования, население новообразованных районов практически сразу столкнулось с серьезными проблемами. Корень причины этих трудностей крылся в произвольном, волюнтаристском характере действий царских чиновников при организации и разграничении территорий. Как свидетельствуют источники [21, с. 9, 12, 13, 17, 18], социально-экономические особенности и сложившийся уклад жизни на этих землях зачастую полностью игнорировались. Интересы местного населения, по сути, вовсе не принимались во внимание имперской

бюрократией, для которой приоритетом оставалось поддержание внешнего спокойствия и защита собственных корпоративных привилегий. Руководствуясь такими мотивами, царские власти нередко самовольно проводили демаркацию между административными единицами и даже отдельными кишлаками, действуя прежде всего в интересах чиновничьего аппарата, а не исходя из нужд управления или удобства жителей. Эта административная неразбериха, порожденная во многом таким подходом, сохранялась и вплоть до 1917 года, причем не только в Зеравшанском округе, но и на всей территории Туркестанского края [22, с. 8]. И, аким образом, декларируемое стремление к упорядочиванию управления наталкивалось на практику, где сиюминутные интересы колониальной администрации и ее представителей на местах превалировали над долгосрочными целями эффективного и справедливого территориального устройства, что неизбежно порождало напряженность и затрудняло интеграционные процессы.

Вся полнота ответственности за управление отделами, как в хозяйственной, так и в полицейской сферах, возлагалась на их непосредственных руководителей, которым также подчинялись и дислоцированные на территории отдела военные подразделения. Эта концентрация гражданской и военной власти в одних руках на местах, вероятно, рассматривалась как инструмент оперативного реагирования и поддержания контроля в условиях удаленной и потенциально нестабильной территории. Однако уже с 1869 года это право было ограничено для начальника Самаркандской области: при необходимости задействования войск он должен был согласовывать свои действия с генерал-губернатором округа [42, с. 27]. Такое изменение в целом может свидетельствовать о нескольких процессах: во-первых, о растущем осознании рисков чрезмерной концентрации власти на региональном уровне, особенно в стратегически важном центре, каким был Самарканд; во-вторых, о стремлении к большей централизации военного управления в руках высшего руководства края, что

усиливало бы вертикаль власти и снижало вероятность нескоординированных или избыточных силовых акций.

Важно отметить, что «Временное положение» 1868 года, которое заложило основы управления Зеравшанским округом, не предусматривало создания отдельных управленческих структур для самого Самарканда как городского центра. Вследствие чего, город по всем административным вопросам подчинялся начальнику Самаркандского отдела. При нем было создано особое хозяйственное и общественное управление, которое по своим функциям было аналогом городской администрации, учрежденной ранее в Ташкенте по проекту «Положения 1867 года». Однако, в отличие от Ташкента, Самарканд так и не получил статуса самостоятельной административной единицы, а его хозяйственно-административные органы в период с 1875 по 1886 год и вовсе находились в ведении одного из заместителей начальника Самаркандского отдела. Такое положение дел указывает на иерархичность имперской административной системы и, возможно, отражает опасения властей предоставлять значительную автономию крупному историческому центру, каким являлся Самарканд. Формальное сходство с ташкентской моделью управления скрывало фактическое отсутствие у Самарканда реальной административной самостоятельности, что, вероятно, облегчало прямой контроль со стороны окружного начальства.

Главные преобразования в административном устройстве Самарканда произошли в 1887 году, когда существовавшие городские административные подразделения были упразднены, а вся полнота их функций и полномочий сконцентрировалась в руках начальника Самаркандского уезда. Этому предшествовало утверждение 12 июня 1886 года «Положения об управлении Туркестанским краем», фундаментального документа, который не только трансформировал Зеравшанский округ в Самаркандскую губернию, но и ликвидировал саму должность начальника округа. Вскоре, 6 апреля 1887 года, новая Самаркандская губерния была подвергнута дальнейшему административному делению на четыре уезда: Самаркандский,

Каттакурганский, а также Ходжентский и Джизакский, причем последние два были переданы из состава Сырдарьинской губернии. Эти преобразования свидетельствуют о последовательном курсе на унификацию и централизацию управления, где специфические городские административные структуры уступали место более стандартной имперской модели губернского-уездного деления, что, вероятно, имело целью усиление прямого контроля центра над ключевыми территориями и ресурсами. Перекройка границ, включившая уезды из другой губернии, также могла быть направлена на оптимизацию управления или даже на размывание прежних региональных связей.

В процессе этого поэтапного выстраивания управленческих структур в Туркестане имперское правительство, однако демонстрировало прагматичный, хотя и неоднозначный подход к местным традициям: оно либо полностью сохраняло, либо частично адаптировало некоторые институты прежней феодальной иерархии власти, характерной для Бухарского эмирата [40, лл. 4, 5, 6, 20, 22]. Как утверждается в историографии, такая стратегия зачастую объяснялась тем, что данные органы рассматривались царскими властями как инструмент консервации экономической, политической и культурной отсталости населения Центральной Азии, что облегчало бы управление и предотвращало бы развитие освободительных идей. Ярким примером такой инкорпорированной феодальной структуры служил так называемый народный суд. Судебная практика казиев (судей, вершивших правосудие по законам шариата) (рисунок 1), по существу, не претерпела каких-либо кардинальных изменений в своей основе, лишь формально приспособившись к установленному в регионе имперскому режиму. Нововведения, инициированные царской властью, свелись к внешним атрибутам: учреждению формально выборной системы, организации съездов «народных судей» и отмене смертной казни. Однако эти реформы имели далеко идущие и, возможно, непреднамеренные для самих реформаторов последствия. Казии и аксакалы, чье положение теперь в определенной мере стало зависеть от волеизъявления избирателей, а не только от традиционного

авторитета или назначения сверху, начали постепенно утрачивать прежнее влияние. В попытках сохранить свои должности, которые часто служили им не только почетным статусом, но и источником доходов и личного обогащения, они все чаще прибегали к политическим интригам, а также к подкупу как выборщиков, так и имперских чиновников, от благосклонности которых напрямую зависела их карьера [26, с. 255]. Все это в свою очередь, как попытка интегрировать традиционные институты в имперскую систему, не меняя их сущности, но изменив механизмы легитимации, породила новую почву для коррупции и девальвации самого института традиционного правосудия, одновременно демонстрируя пределы имперского контроля и сложности управления многоукладным обществом.

Рисунок 1 - Суд казиев (народных судей) [35]

Реформа судебной системы в регионе получила новый импульс с изданием правительственного циркуляра от 14 мая 1899 года, который

показал важный этап унификации. Самаркандский областной суд, до этого момента находившийся в ведении областного правления, был реорганизован в Самаркандский окружной суд. Это изменение было не просто сменой вывески: деятельность суда отныне подчинялась общим принципам Судебного устава, уже действовавшего в большинстве губерний Российской империи, что явно указывало на стремление интегрировать окраинные судебные системы в общеимперское правовое пространство.

При более детальном рассмотрении судебной структуры, созданной имперской администрацией в Туркестанском регионе, включая Самаркандскую область, становится очевидной ее основная функция – защита интересов господствующего класса и проведение колониальной политики самодержавия, что включало в себя и подавление любых форм народного сопротивления. Однако, фокусируясь исключительно на этой репрессивной роли, можно упустить из виду ряд других нововведений, инициированных русским правительством, которые имели объективно прогрессивный характер для своего времени и места. К таким изменениям следует отнести ликвидацию значимого поста кази-каляна, что подрывало традиционную иерархию и концентрировало судебную власть в новых, имперских институтах. Введение, пусть и зачастую формального, принципа выборности для представителей местной администрации и казиев, а также ограничение полномочий и произвола местных властей, хотя и служили целям имперского контроля, в целом могли способствовать некоторой модернизации управленческих практик. Другими важными шагами стали также внедрение принципов административно-территориального деления с определением ориентировочной численности населения для каждой единицы – это закладывало основы для более рационального управления и налогообложения. Также отмена телесных наказаний и смертной казни (даже если она не всегда соблюдалась на практике или имела исключения), представляла собой гуманистический сдвиг по сравнению с некоторыми предшествующими нормами. Передача рассмотрения дел по ряду тяжких уголовных

преступлений в юрисдикцию русских судов и предоставление коренным жителям права обращаться к русским судебным инстанциям, хотя и могли использоваться для усиления имперского влияния, одновременно открывали для местного населения альтернативные пути поиска справедливости, отличные от традиционных. Организация съездов «народных» судей, как и само учреждение этого института, также вносили элемент новизны в устоявшуюся систему, даже если «народность» этих судей и их независимость были весьма условными в реалиях колониального режима. Эти преобразования несли в себе внутреннее противоречие: будучи инструментами имперской политики, они, тем не менее, внедряли элементы более современных правовых и административных норм, которые потенциально могли иметь долгосрочные трансформирующие эффекты для общества.

Демографические процессы в регионе после его вхождения в состав Российской империи представляют собой следующий важный аспект исследования. Интеграция Самарканда в имперское пространство, как принято считать, оказала стимулирующее воздействие на социальную структуру и динамику численности населения как самого города, так и всей Самаркандской губернии в целом. Эти изменения проявлялись в трансформации соотношения городского и сельского населения, которое становилось все более дифференцированным, отражая новые экономические и социальные реалии. Параллельно менялся и сословный состав жителей, где наметились более явные контуры формирования элементов пролетариата, связанного с новыми производствами и инфраструктурой, а также национальной буржуазии, вовлеченной в товарно-денежные отношения расширяющегося рынка. Тем не менее, хотя абсолютные показатели роста населения и его плотности сами по себе не могут служить единственным мерилом социально-экономического развития Самаркандской области, их анализ, несомненно, важен для понимания экономических и исторических

условий, в которых происходило это развитие, вскрывая как новые возможности, так и потенциальные точки напряжения.

Динамика численности населения Самаркандской области, включая и сам город Самарканд, в период с середины XIX по первое десятилетие XX века (Приложение А) демонстрирует устойчивый рост. Этот рост был обусловлен комплексом факторов: не только естественным приростом, но и административным присоединением новых территорий, что механически увеличивало численность подданных. Существенную роль играл и приток переселенцев из других регионов и губерний Российской империи. Это вероятно, было связано как с правительственной политикой колонизации, так и с поиском новыми жителями экономических возможностей. Однако этот демографический подъем не был равномерным по территории: более интенсивный рост наблюдался в городах и прилегающих к ним сельских районах, что указывает на формирующиеся центры притяжения рабочей силы и экономической активности. Показатели плотности населения также варьировались: Катта-Курганский уезд лидировал с плотностью 24,3 человека на квадратную версту в 1888 году, за ним следовал Самаркандский уезд (17,6 чел./кв. версту). При этом в самом Самарканде и особенно в оазисных землях долины Зеравшана, таких как Мианкаль, плотность населения достигала показателей, не имевших аналогов в Средней Азии – в орошаемых районах она составляла 128,9 человек на квадратную версту [16, с. 69]. Это свидетельствует о высокой освоенности и продуктивности данных территорий, традиционно являвшихся центрами земледельческой культуры, чье значение в новых условиях могло только возрасти. Сравнивая все вышесказанное с другими частями империи, можно подчеркнуть уникальность региона: если в Европейской России плотность населения была в 4 раза ниже, чем в Царстве Польском, а в Средней Азии в среднем составляла 2,5 жителя на кв. версту (в Сибири – всего 0,5) [16, с. 69], то Самаркандская область по этому показателю во всей Российской империи уступала лишь столичным регионам – Санкт-Петербургу (507,1 чел.) и Московской губернии

(274,5 чел.) [26, с. 108]. Поэтому такая высокая концентрация населения не только отражала аграрный потенциал, но и создавала предпосылки для более интенсивного социального и экономического взаимодействия.

Несмотря на то, что после присоединения к России население Самарканда и области постепенно вовлекалось в область капиталистических отношений, все же в его повседневной жизни и хозяйственном укладе продолжали доминировать феодальные и патриархальные системы с их характерной замкнутостью и преобладанием натурального производства. Эта двойственность социально-экономической структуры, где новые капиталистические элементы наслаивались на архаичную основу, не разрушая ее полностью, оказывала сдерживающее влияние на темпы урбанизации. Доля городского населения в Самаркандской области, составлявшая в 1868-1870 гг. всего около 1,4%, к 1897 году выросла до заметных 15,8%. Такой существенный рост удельного веса горожан свидетельствовал об углублении общественного разделения труда, что особенно четко проявилось после 1886 года – ключевой даты, связанной с открытием Закаспийской железной дороги. Эта транспортная артерия радикально изменила экономическую географию региона, связав его с рынками метрополии и стимулировав развитие товарного производства и городской жизни. К концу XIX века в Самаркандской области насчитывалось уже 6 городов, среди которых, как показывают данные (Приложение Б), безусловным лидером оставался Самарканд: его население выросло с 55 128 человек в 1897 году до 97 530 человек в 1914 году, более явно показывая его роль как главного административного, торгового и культурного центра трансформирующегося региона.

Параллельно с ростом численности населения в городах Самаркандской области наблюдалось углубление социального разделения труда, а экономическое районирование региона приобретало все более отчетливые контуры. Эти процессы, характерные для периода активного включения территории в экономическую систему Российской империи, происходили на

сложном социальном фоне: они сопровождались как возможностями для одних слоев, так и дальнейшим обнищанием и резкой дифференциацией других, особенно среди трудящихся масс. Более детально проследить эти многогранные изменения в населении Самаркандской области и города Самарканда, начиная со времени их присоединения к России и до первого десятилетия XX века, позволяют статистические данные всеобщей переписи 1897 года.

Согласно материалам этой первой всеобщей переписи, в Самаркандской губернии проживало 860 021 человек, объединенных в 147 534 домохозяйства. Примечательно, что доминирующую часть населения (97,67%) составляли местные уроженцы; доля же выходцев из других уездов Самаркандской области была незначительна (0,13%), в то время как переселенцы из других губерний империи составляли 1,93%, а иностранные подданные – 0,26%. Такое соотношение ясно указывает на то, что, несмотря на начавшиеся миграционные процессы, ядро населения оставалось автохтонным, а пришлый элемент, хотя и был численно невелик, вероятно, концентрировался в административных, военных и новых экономических структурах. Из общего числа жителей области 194 608 человек были заняты на различных работах, включая 5 545 женщин, что отражает постепенное, хотя и все еще ограниченное, вовлечение женщин в общественное производство за рамками традиционного домашнего хозяйства. Интересен и показатель использования наемного труда: из 147 534 домохозяйств области 17 149 (то есть, более десятой части) имели наемных рабочих или слуг. В городе Самарканде, где в 8 798 домохозяйствах проживало 55 128 человек (31 734 мужчины и 23 394 женщины), из которых 19 735 мужчин и 1 883 женщины были заняты на работах, а доля домохозяйств, использовавших наемный труд, была сопоставима – 1 053 из 8 798, или около 11,94% [23, с. 1, 2, 3, 112, 113]. Эти цифры свидетельствуют о формировании рынка наемного труда, но одновременно подчеркивают, что большинство

хозяйств, как в городе, так и в области, все еще опирались преимущественно на труд членов семьи.

Представленные данные подтверждают относительно быстрый рост населения Самаркандской области, включая и сам Самарканд, в рассматриваемый период. Этот прирост обеспечивался не только за счет естественных демографических процессов, но и за счет притока военных, чиновников, купцов и других представителей деловых кругов из центральных губерний России и из-за рубежа, а также за счет миграции людей из различных частей области в города в поисках работы. Как следствие, национальный состав населения, особенно в городах, становился все более разнообразным. Если, по оценкам, в 1888 году на территории Самарканда проживали представители примерно 5-6 этнических групп, то материалы переписи 1897 года уже фиксировали присутствие представителей более 17 национальностей [23, с. 2, 3], превращая город в активный центр межкультурного взаимодействия, хотя и не лишенный внутренних противоречий.

Этот демографический и социальный динамизм находил свое отражение и в территориальном росте: население и площадь Самаркандской области, и в особенности города Самарканда, повсеместно увеличивались. К 1910 году европейская часть города занимала 230 десятин, а традиционная азиатская – 4629 десятин [13]. Такое расширение, особенно заметное в формировании новых, «европейских» кварталов, свидетельствовало о непрерывном росте и развитии производительных сил региона в рамках всего дореволюционного колониального Туркестана. Регион постепенно, но неуклонно вовлекался в экономическую систему развивающегося российского капитализма. Этот процесс, распространявшийся, возможно, порой и вопреки консервативным устремлениям отдельных представителей царской власти, оказывал в целом стимулирующее воздействие на состав населения и его сословное расслоение.

Для анализа социального разделения труда в Самарканде и Самаркандской области Т.С. Саидкулов, опираясь на методологию

В.И. Ленина, изложенную в работе «Развитие капитализма в России», предложил классификацию населения на три основные группы: занятые в сельском хозяйстве, занятые в торговле и промышленности, и лица, не вовлеченные непосредственно в экономическое производство [12, с. 69]. В рамках этого подхода Саидкулов специфически отнес частную прислугу, слуг и поденщиков к производственным категориям: городские представители этой группы (9 714 человек) были включены в торгово-промышленное население, а сельские (2 512 человек) – в сельскохозяйственное, стремясь таким образом отразить их фактическую роль в экономических процессах. Итоговое распределение населения Самаркандской области по этим группам приводится в Приложении В (Приложение В).

Представленные в соответствующей таблице данные (Приложение В) дают определенное представление о структуре общественного труда и уровне развития товарно-денежных отношений в области. Так, численность группы, обозначенной как «непроизводительное население» (включающей, вероятно, иждивенцев, лиц без определенных занятий и т.п.), составляла 38 193 человека. Анализ этих и других связанных данных, по мнению исследователей того времени, указывал на сохраняющееся доминирование сельскохозяйственного производства в экономике региона. Это, в свою очередь, служило подтверждением тезиса о том, что Туркестан, и Самаркандская область как его неотъемлемая часть, в целом продолжал функционировать в качестве аграрно-сырьевого региона для развивающейся капиталистической индустрии России, что во многом определяло специфику его социально-экономического развития.

В сфере сельского хозяйства, проводимая царским самодержавием земельно-аграрная политика привела к упрочению и юридическому оформлению принципа частной собственности на землю. Этот принцип, как утверждает, к концу XIX - началу XX века получил широкое и повсеместное распространение в регионе. Ссылаясь на данные дореволюционных исследователей, можно отметить, что уже к 1913 году около 90% всех

орошаемых земель находились во владении частных собственников [13]. Такое утверждение, безусловно, требует внимательного рассмотрения, поскольку столь высокий процент частного землевладения на орошаемых землях, традиционно имевших сложную структуру прав пользования и контроля, мог бы свидетельствовать о радикальной и быстрой трансформации аграрных отношений. Важно уточнить, какие именно формы «частной собственности» здесь имеются в виду, не маскировались ли под этим понятием различные формы условного или общинного владения, адаптированные к имперскому законодательству.

Тем не менее, введение или, по крайней мере, активное поощрение частной собственности на землю и воду, как считается, запустило процессы интенсивной мобилизации земельных ресурсов, что выразилось в росте цен на землю и ее концентрации в руках крупных собственников. Обратной стороной этого процесса стала потеря земли и ее дробление среди низших слоев сельского населения. Именно эти обезземеленные и беднейшие крестьяне сформировали основной резерв для пополнения рядов батраков, мардикеров (поденщиков), чайрикеров (издольщиков) и других категорий полупролетарского населения в деревнях Самаркандской области. Таким образом, аграрная политика, даже если она декларировала цели модернизации, на практике могла усугублять социальное расслоение и создавать новую категорию зависимого сельского населения. Так, в неразрывной связи с земельной политикой царской власти находились и правительственные мероприятия по ирригации в Туркестане, особенно в стратегически важной Зеравшанской долине, ведь контроль над водой в засушливом регионе означал контроль над сельскохозяйственным производством и, следовательно, над населением.

Рассматривая эволюцию производственных отношений в регионе, можно выделить два основных этапа: первоначальное доминирование ремесленного производства и последующее, более позднее, становление фабрично-заводских форм. Интеграция в экономическое пространство

Российской империи, как представляется, устранила многие прежние барьеры и способствовала определенному развитию ремесленного производства в городах Самаркандской области. Ассортимент ремесленной продукции был чрезвычайно широк и охватывал практически все сферы быта и хозяйственной деятельности: от ткачества бумажных, полушелковых и шелковых тканей, выделки и тиснения кож, изготовления обуви, скорняжных, гончарных, кузнечных, ножевых, седельных, шорных и красильных изделий до производства медной посуды, литья чугуна, ювелирных украшений, токарных работ, сельскохозяйственного инвентаря (арбы, плуги, вилы, лопаты), обжига древесного угля, плетения из камыша и соломы, изделий из бирюзы, чеканки по металлу, слесарных и жестяных работ, мыловарения, свечного производства, резьбы по дереву, росписи посуды и мебели, ганчевой лепки, изготовления сундуков, размотки ниток, резки клевера, сеяльных досок, фонарей и игрушек. Эта детализация подчеркивает не только разнообразие, но и глубокую укорененность ремесленных традиций, обеспечивавших население всем необходимым.

Ремесленники, как правило, работали индивидуально, в своих домах или непосредственно на рынках, что указывает на мелкотоварный характер производства. Их заработок напрямую зависел от стоимости обрабатываемого материала и уровня специализации. Приводимые данные о заработках (кузнецы – 40-60 коп. в день, ткачи простых шелковых тканей – 20-40 коп., ткачи бархата – до 80 коп., ткачи бумажных тканей – 15-30 коп., кожевники – 40-70 коп. и т.д. [4, с. 46]) дают представление о дифференциации доходов внутри ремесленной среды, однако требуют сопоставления с общим уровнем цен и прожиточным минимумом того времени для более точной оценки их экономического положения.

Статистика 1882-1883 годов для Самарканда фиксирует наличие 251 «промышленного заведения» с годовым объемом производства 209 987 рублей и 537 наемными рабочими. Одновременно с этим насчитывалось 155 мастерских (объем производства 54 970 руб.,

296 работников) и 1 924 ремесленных заведения (объем производства 105 430 руб., 2 904 ремесленника) [26, с. 131]. Здесь важно критически подойти к термину «промышленное заведение», так как он мог охватывать как относительно крупные мануфактуры, так и более мелкие мастерские, уже использующие наемный труд, но еще не являющиеся фабриками в полном смысле слова. Существование этих различных форм указывает на переходный характер экономики.

Предприниматели, прибывавшие из центральных регионов России, действительно стали активно осваивать экономическое пространство Самарканда и области, основывая различные производства и внедряя новые сельскохозяйственные культуры, такие как улучшенные сорта хлопка и табака. Их интерес был сосредоточен в первую очередь на отраслях, обещавших быструю и высокую прибыль при относительно низких затратах: винокурение, коньячно-виноделие, спиртоводочное производство и хлопкоочистительные заводы. Эти отрасли опирались на местное сырье и доступную, дешевую рабочую силу, что делало их привлекательными для инвестиций. Появление первых таких частных предприятий в Самарканде уже в 70-е годы XIX века, как, например, винокуренный и пивоваренный завод купца Филатова, построенный в 1868 году [26, с. 141], знаменует собой начало проникновения промышленного капитала в регион и постепенную трансформацию его экономической структуры, хотя этот процесс и был неравномерным и сохранял многие черты колониальной эксплуатации ресурсов.

Геополитическая напряженность конца XIX века, а именно эскалация англо-русского соперничества в Центральной Азии и стратегические планы Российской империи по экспансии в туркменские земли, выступила мощным катализатором усиленного строительства Закаспийской железной дороги. Это инфраструктурное нововведение, совместно с административным включением Самарканда в состав России, дало толчок формированию в регионе, и в самом городе, промышленных секторов нового типа.

Возникновение предприятий, таких как хлопкоочистительные, кишкоочистительные, пивоваренные, винокуренные, коньячно-винные, макаронные и табачные фабрики, свидетельствует о начавшейся индустриализации. Однако здесь критически важно рассмотреть направленность этой индустриализации: в значительной степени она была ориентирована на первичную переработку местного сельскохозяйственного сырья для нужд имперского рынка и армии, а не на создание производств с высокой добавленной стоимостью для удовлетворения потребностей местного населения или комплексного развития региональной экономики.

Строительство Среднеазиатской железной дороги, в свою очередь, открыло путь для интенсивного экономического вовлечения всего Туркестанского края, включая саму Самаркандскую область в хозяйственную систему Российской империи, что отразилось в притоке российского предпринимательского и помещичьего капитала. Термин «освоение» здесь следует понимать не только как развитие, но и как установливание контроля над ресурсами и экономикой региона со стороны имперского центра. Параллельно, исходя из первоочередных военно-стратегических и административных нужд, царские власти инициировали создание почтового тракта и прокладку телеграфной линии, связавшей в 1875 году Самарканд, Ташкент и Бухару [26, с. 144], что дополнительно укрепляло управленческие и экономические связи.

Динамика грузовых и пассажирских перевозок по Закаспийской железной дороге наглядно иллюстрирует углубление этой интеграции: грузооборот из Самарканда вырос с 4,9 млн пудов в 1902 году до 12,7 млн пудов в 1907 году (почти трехкратный рост), а пассажиропоток за тот же период увеличился с 97,7 тыс. до 180,5 тыс. человек (почти двукратный рост) [26, с. 145]. Эти цифры показывают нам не только экономическое оживление, но и возрастающую мобильность населения и товаров, что эффективно способствовало размыванию традиционных экономических укладов и встраиванию региона в общеимперский рынок.

Накопленные данные указывают на процессы концентрации капитала и укрупнения производств: предприниматели, изначально владевшие одним-двумя предприятиями, постепенно становились собственниками целых промышленных комплексов, возникали торговые дома и товарищества. За двадцатилетие (с 1893 по 1913 гг.) число промышленных заведений в регионе выросло с 50 до 117, годовой объем их продукции увеличился с 3,1 млн рублей до 10,1 млн рублей, а число занятых рабочих возросло с 805 до 2814 человек. Анализируя эти цифры, стоит отметить, что рост объема продукции (примерно в 3,3 раза) был соотносим с ростом числа рабочих (примерно в 3,5 раза), что может свидетельствовать о преимущественно экстенсивном характере промышленного роста, где увеличение выпуска достигалось в большей степени за счет привлечения дополнительных трудовых ресурсов, а не кардинального повышения производительности труда.

При учете данных по неравномерным складам, которые, согласно ревизии К. Палена за 1908 год, при 731 занятом рабочем производили продукции на 9,1 млн рублей, совокупный объем промышленного производства в Самаркандской области к 1913 году, по приведенным расчетам, достигал внушительной цифры (предположительно, $10,1 \text{ млн} + 9,1 \text{ млн} = 19,2 \text{ млн}$ рублей, учитывая возможную опечатку в источнике [26, с. 146] относительно итоговой суммы). При этом общее число рабочих, включая подростков обоего пола, составляло 3545 человек. Само по себе упоминание подросткового труда является важным социальным индикатором, достаточно красноречиво указывающим на специфичность местного рынка труда и, с высокой долей вероятности, на существование непростых условий жизни, которые вынуждали к раннему вовлечению подрастающего поколения в производственную деятельность. В целом же, представленные сведения позволяют нарисовать картину динамичного, но одновременно и противоречивого экономического развития, во многом движимого внешними стимулирующими импульсами и подчиненного общим интересам имперской модернизации.

1.2 Состояние социальной инфраструктуры Самарканда на начало XX века

Самарканд, являясь не только второй столицей бухарских эмиров, но и экономическим сердцем плодородной Зеравшанской долины, играл важную роль в хозяйственной системе Бухарского ханства. Его обширные, густонаселенные и богатые природными ресурсами территории обеспечивали стабильный приток доходов в казну эмира и местных беков, однако эти средства, как подчеркивается в источниках, извлекались преимущественно путем фискального давления на производительное население. Критически важно отметить, что эта система эксплуатации, вероятно, не только тормозила внутреннее развитие региона, но и создавала перманентную социальную напряженность. Всему этому способствовали и усугубляли ситуацию непрекращающиеся феодальные войны и междоусобные конфликты, особенно активизировавшиеся с 20-х годов XIX века и вплоть до российского завоевания, ложась тяжелым бременем на плечи трудящихся масс. Более того, регистрирование фактов работорговли в Бухарском ханстве (и в Самаркандском бекстве, в частности) в 60-е годы XIX века, с использованием рабского труда преимущественно в домашнем хозяйстве и отчасти в производстве, добавляет мрачный отпечаток к общей картине социальных отношений, подталкивая население к стихийным вооруженным выступлениям против угнетателей. При этом, как справедливо указывается, положение трудящегося крестьянства Зеравшанской долины в XIX веке было, по-видимому, значительно тяжелее, чем это представлялось в некоторых работах советской историографии и требует пересмотра устоявшихся оценок и более глубокого анализа степени эксплуатации, особенно учитывая, что один только поземельный налог (херадж) к середине XIX века мог достигать 40% урожая [26, с. 215].

Именно в Самаркандском бекстве концентрировалась основная масса сельскохозяйственного производства Бухарского ханства. Местное население

культивировало хлопок, производило шелк, сухофрукты, шерсть, каракуль и другую ценную аграрную продукцию, значительная часть которой предназначалась для экспорта, прежде всего в Россию. Поэтому здесь возникает вопрос о степени зависимости экономики бекства от внешних рынков, особенно российского, еще до формального присоединения, и как эта ориентация влияла на структуру местного сельского хозяйства, возможно, стимулируя монокультурность в ущерб продовольственной безопасности. Наряду с сельским хозяйством, существенную роль в экономической жизни играло ремесленное производство, центрами которого выступали Самарканд, Каттакурган, Ура-Тюбе, Ходжент, и другие города, где процветали ткачество, гончарное, плотницкое и ювелирное ремесла.

В городской среде изучаемого периода также наблюдались процессы углубления социального расслоения, которые ярче всего проявились накануне российского завоевания. Специализация отдельных районов на земледелии, скотоводстве или ремеслах способствовала формированию и развитию торговых центров не только в городах, но и в крупных селениях (кишлаках) Самаркандского бекства. Примечательно, что главные базары Самарканда обладали таким экономическим весом, что устанавливаемые на них цены на товары и обменные курсы валют оказывали влияние на рыночную конъюнктуру и в других областях Бухарского ханства. Сам этот факт подчеркивает не только экономическое доминирование Самарканда внутри ханства, но и свидетельствует о достаточно развитых, хотя и, возможно, неравномерных рыночных связях. Растущий спрос на российские товары в Самаркандском бекстве, приведший к появлению специализированных торговых лавок в Самарканде, Ходженте и Катта-Кургане, является еще одним маркером интенсивности торговых отношений с северным соседом и постепенного проникновения российского экономического влияния в регион еще до его политического подчинения (рисунок 2).

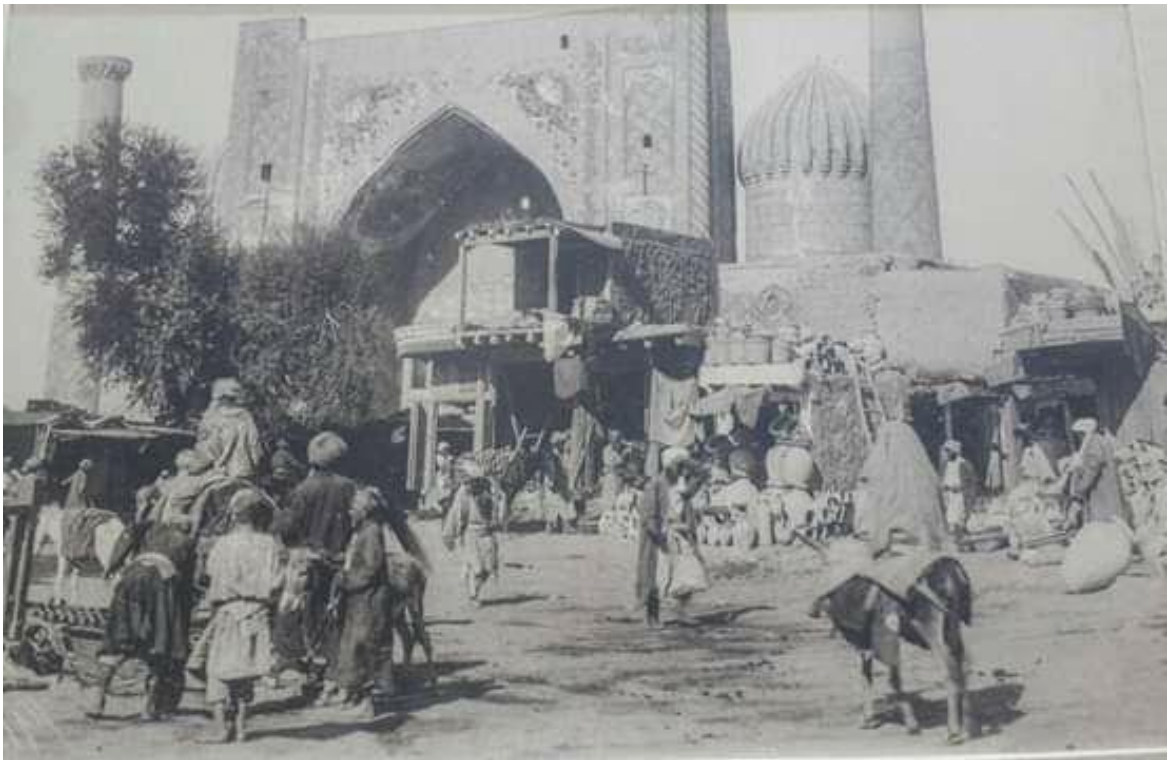

Рисунок 2 - Базарный день на улице около медресе Шер-Дор [6]

Наблюдавшийся в Самаркандском бекстве переход от натуральных повинностей к денежным формам ренты и постепенное разложение устоев феодального строя действительно давали предпосылки для формирования элементов капиталистических отношений. Однако важно понимать, что этот процесс был нелинейным и затяжным: даже на фоне зарождения буржуазных тенденций в регионе сохранялось доминирование феодальных устоев, усугубляемое силой родовых связей и такими архаичными явлениями, как социальное унижение широких слоев населения и рабство.

В таком контексте присоединение Самарканда к Российской империи часто оценивается как событие, имевшее прогрессивные последствия. Безусловно, прекращение разрушительных междоусобных войн и формальная отмена рабства объективно улучшили некоторые аспекты жизни населения. Однако критически важно рассматривать эти изменения в более широком контексте имперской политики. Отмена рабства, например, служила не только гуманистическим целям, но и являлась значимым аргументом для

легитимации колониальной экспансии России в глазах европейских держав, стремясь представить ее как цивилизаторскую миссию. Само же завоевание породило так называемый «среднеазиатский вопрос» – сложный аспект геополитических, административных и социально-экономических проблем, связанных с интеграцией (или, точнее, инкорпорацией) новых территорий в состав империи. Это вызвало оживленные дебаты в правительственных и военных кругах России относительно будущего Зеравшанской долины, продолжавшиеся официально до 1873 года [26, с. 217].

Включение Самаркандского региона (с 1887 года преобразованного в Самаркандскую область) в политическое и экономическое пространство Российской империи имело двойственный характер. С одной стороны, регион постепенно интегрировался в общероссийский рынок и, через него, в мировые экономические связи, что объективно способствовало развитию новых, капиталистических производственных отношений. Это, несомненно, представляло собой отход от предшествовавшего застойного феодального уклада. С другой стороны, утверждение о том, что это развитие происходило «вопреки воле и желаниям царизма», который «всячески тормозил его хозяйственное развитие», выглядит несколько упрощенным и требует более нюансированного подхода.

Оценка влияния русской культуры на жизнь и быт населения Самаркандской области также требует взвешенного подхода. Появление европейской части города с 1871 года, создание библиотек, музеев, научных обществ, школ и медицинских учреждений, как отмечал Ш.Р. Рашидов [25, с. 40], действительно знаменовали собой привнесение новых элементов в культурную жизнь. Однако необходимо критически осмыслить мотивы и последствия этой «культурной миссии». «План организации системы образования» Кауфмана (1873 г.) открыто декларировал цели «окультуривания» народов Туркестана и игнорирования религиозного аспекта в мусульманской культуре [32]. Это свидетельствует о стремлении не столько к равноправному культурному обмену, сколько к постепенной ассимиляции

или, по крайней мере, к подрыву основ местной идентичности и традиционных институтов.

Политика генерал-губернатора Кауфмана в отношении местных мусульманских школ (мактабов и медресе) (рисунок 3) была особенно показательна в своей прагматичной двойственности. Здесь официально провозглашалось невмешательство, однако оно основывалось на расчете, что без поддержки и под имперским надзором эти школы постепенно придут в упадок. Такой подход считался «политически более эффективным», чем прямое административное давление, способное вызвать открытое недовольство и сопротивление [26, с. 157]. Одновременно с этим, для ослабления влияния мусульманского духовенства, вводились негласные запреты на обучение представителей коренных национальностей (например, туркмен и киргизов) в крупных духовных центрах, таких как Самарканд и Бухара, и предписывалось исключать уже принятых под «благовидными предлогами» [26, с. 157]. Финальным штрихом этой политики стало экономическое удушение мусульманских институтов через запрет на передачу им вакуфного имущества (земли, денег), что лишало их материальной базы [26, с. 157]. Таким образом, декларируемое «просвещение» и «окультуривание» шли рука об руку с целенаправленными мерами по ослаблению традиционных культурных, религиозных и образовательных структур местного общества, что является неотъемлемой чертой колониальной политики.

Рисунок 3 - г. Самарканд. Медресе Ходжа-Ахрар [29]

Стратегия имперского управления в Туркестане отводила так называемым русско-туземным школам роль важнейшего инструмента для формирования лояльных кадров из числа коренного населения, а также постепенного внедрения русского влияния. По замыслу царских чиновников, эти учебные заведения должны были готовить не просто «рабочие кадры», а скорее проводников русификаторской политики, способствуя идеологической интеграции региона. Тем не менее, здесь важно критически оценить сам термин «воздействие». Он подразумевает однонаправленный процесс, где местное население выступает пассивным объектом, тогда как реальность могла включать и элементы адаптации, и сопротивления, и прагматичного использования новых возможностей со стороны местных жителей.

Открытие первой такой школы в Самарканде 14 января 1870 года по инициативе генерала Абрамова, где был назначен куратором капитан Гребенкин, владевший местными языками [26, с. 158]. Его назначение стало

знаковым событием. Учебная программа, согласно инструкции Абрамова, была весьма специфична: наряду с русским языком, основами истории, географии, биологии и арифметики, значительное внимание уделялось «ознакомлению с методами русского земледелия» и «приемам огородничества». Такой акцент, возможно, отражал не столько реальные образовательные потребности региона, сколько патерналистское стремление имперской власти «цивилизовать» и привить собственные хозяйственные модели, практическая применимость которых в местных климатических и социокультурных условиях не всегда была очевидна (рисунок 4).

Несмотря на то, что генерал-губернатор Кауфман не выразил однозначного одобрения этой инициативе, школа продолжила свое существование. К 1876 году, по данным инспекции, в ней обучалось 111 учеников, представлявших различные этнические и конфессиональные группы (узбеки, таджики, евреи, индусы). Это свидетельствует о некотором интересе к новому типу образования со стороны различных слоев местного населения. Однако, несмотря на декларируемую цель «слияния и ассимиляции» края с метрополией, создание сети русско-туземных школ в Туркестане, включая Самаркандскую область, шло крайне медленными темпами [20]. Такое несоответствие между амбициозными планами и довольно скромными результатами может указывать на ряд проблем: от недостатка финансирования и квалифицированных преподавателей до скрытого или явного неприятия такой формы образования частью местного общества, а также, возможно, на внутренние противоречия и непоследовательность самой имперской образовательной политики.

Появление с 1887 года вечерних курсов русского языка при самаркандской школе, направленных на взрослое население, преимущественно из купеческой среды, и их постепенное распространение в уездных центрах, говорит о росте практической необходимости владения русским языком в торгово-экономической сфере. Приписывание медленного, но все же роста этих школ исключительно «труду и усилиям русской

прогрессивной общественности Туркестана, особенно передовой русской интеллигенции», является распространенной, но, вероятно, скорее односторонней оценкой. Не отрицая вклада энтузиастов-просветителей, следует учитывать и прагматические интересы самой администрации в подготовке посредников, и стремление определенных слоев местного населения получить образование, открывавшее новые социальные и экономические возможности, пусть и в рамках колониальной системы.

К началу XX века в русско-туземных школах был накоплен определенный методический опыт. Учебные пособия, такие как «Азбука» В.П. Наливкина, [10, стр. 60] «Книга для чтения» С.М. Граменицкого [33, с. 60] или «Сборник арифметических задач» Малинина и Буренина [18], предоставляли базовые знания и навыки. Включение в учебные программы отрывков из произведений классиков русской литературы (Пушкина, Лермонтова, Крылова) выполняло не только образовательную функцию, но и служило инструментом взаимовлияния культур, знакомя учащихся с ценностями и нарративами доминирующей имперской культуры, что являлось неотъемлемой частью более широкого проекта по утверждению российского влияния в регионе.

Рисунок 4 - Самарканд. Студент медресе [31]

Центральным и, вероятно, наиболее показательным аспектом имперской образовательной политики в Туркестане являлся ее отчетливо выраженный дискриминационный характер, который проявлялся в приоритетном внимании к созданию и обеспечению учебных заведений для детей русского (колонизаторского, как указано в источнике) населения, в то время как развитие школ для коренных жителей оставалось на периферии административных усилий. Такой дисбаланс не просто отражал неравное распределение ресурсов, но и представлял собой системный элемент

колониального управления, направленного на поддержание иерархии между «пришлым» и «местным» населением и обеспечение комфортных условий для колониальной администрации и переселенцев.

Уже в 1871 году в Самарканде была учреждена первая русская начальная школа, предназначенная исключительно для детей русского происхождения. Ее последующее разделение в 1878-1880 годах на мужское и женское отделения и дальнейшая реорганизация к 1882-1883 учебному году в трехклассные школы (в Самарканде к этому времени функционировало четыре таких городских школы с 78 учащимися, из которых половина – девочки, а также три женские церковно-приходские школы с 24 ученицами) свидетельствуют о планомерном развитии образовательной инфраструктуры именно для этой группы населения. В Каттакургане в тот же период действовала одна совместная приходская школа с 7 учениками. Показательно, что даже в Ходженте, на тот момент еще не входившем в состав Зеравшанского округа, где в 1883 году в совместной приходской школе обучалось 18 детей (включая 8 девочек), и где присутствовало небольшое число (5 из 18) учеников из коренного населения, факт их наличия скорее подчеркивает общее правило сегрегации, чем свидетельствует о какой-либо тенденции к интеграции.

Весь этот контраст становится еще более очевидным и приобретает выраженные очертания при детальном рассмотрении уровня материального обеспечения этих школ. Действительно, данные об оснащенности учебниками и наглядными пособиями говорят сами за себя и достаточно красноречивы: так, Самаркандская городская школа располагала библиотекой в 684 тома (1000 экземпляров) и разнообразными наглядными пособиями; Ходжентская школа имела 301 том книг и 250 наглядных пособий; Самаркандская женская школа – библиотеку с 700 учебниками и 135 наглядными пособиями [26, с. 161]. Очевидно, что такое ресурсное обеспечение школ, предназначенных для русского населения, с высокой вероятностью, значительно превосходило скромные возможности русско-туземных школ и тем более традиционных

местных мактабов. Этот факт недвусмысленно показывает, какие именно образовательные институты и, соответственно, какие группы населения рассматривались имперской властью в качестве приоритетных объектов для инвестиций и поддержки. Этот дифференцированный подход к финансированию и оснащению является ярким свидетельством системного неравенства, изначально заложенного в саму основу колониальной образовательной политики, и неизбежно ставит под серьезное сомнение широко декларируемые лозунги о «цивилизаторской миссии» и мнимой «заботе» о просвещении всего населения края, поскольку практические шаги демонстрировали иную картину распределения ресурсов.

Глава 2 Модернизация социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века

2.1 Развитие образования и здравоохранения: новые учреждения и подходы

Ускоренное развитие и качественное обеспечение школ для русского населения Самаркандской губернии, как отмечалось ранее, являлось прямым следствием стратегических целей имперской администрации: формирование образованной русской прослойки, способной закрепить доминирующее положение в регионе и возглавить процессы его экономического освоения в интересах метрополии. Эта инструментализация образования для нужд колониального управления становится выражено очевидной, если учесть, что первоначальная практика отправки детей из привилегированных русских семей Туркестана на учебу в центральную Россию была доступна не всем, что и стимулировало создание полноценной системы среднего образования на местах для детей офицерства и чиновничества. К 1899 году в Самарканде уже функционировали такие учреждения, как женская гимназия (167 учениц) (рисунок 5), мужская прогимназия (51 ученик), городское 4-классное мужское училище (101 ученик) с пансионом, а также мужская и женская церковно-приходские школы имени А.С. Пушкина (72 и 67 учеников соответственно). Примечательно и символично присвоение школам имени Пушкина – это не просто дань уважения поэту, но и маркер культурной экспансии, утверждения русского культурного кода на завоеванных территориях. Растущие потребности промышленных предприятий и железнодорожной инфраструктуры обусловили внимание и к профессиональной подготовке: открытие в 1898 году мужской и женской церковно-приходских железнодорожных школ (с 68 и 49 учащимися в 1899 году соответственно) [34, с. 65] иллюстрирует эту прагматическую направленность.

На этом фоне контрастно выглядит ситуация с подготовкой квалифицированных кадров для нужд сельского хозяйства и первичной переработки его продукции. Инициативы в этой сфере характеризуются как «скромные» и «вялые», что может свидетельствовать о второстепенности комплексного развития местного аграрного сектора в глазах администрации, ориентированной, вероятно, на более прямую эксплуатацию ресурсов. Открытие в Самарканде в 1904 году низшей школы садоводства, виноградарства и виноделия 1-го разряда приписывается «энергии некоторых лиц из прогрессивной русской интеллигенции», а не системной государственной политике. Тем не менее, выделение под эту школу значительных земельных участков (до 11 десятин) и средств (на сумму более 100 000 рублей) городским хозяйственным управлением еще в 1899 году [26, с. 162] четко указывает на определенную заинтересованность и на местном уровне. Состав учащихся в 1904 году (32 человека), среди которых около 30% были выходцами из других областей Туркестана (Сырдарьинской, Ферганской), округов (Джизакского, Ходжентского, Катта-Курганского) и даже из Бухары и Кушки, свидетельствует о наличии определенного спроса на подобные профессиональные знания в масштабах всего региона, выходящего за пределы непосредственных административных и переселенческих нужд, и, весьма вероятно, о попытках отдельных групп местного населения адаптироваться к новым экономическим реалиям через получение профильного образования.

Утверждение о том, что «передовые прогрессивные представители русской интеллигенции» с первых дней стремились создавать «центры культуры» для населения Самаркандской области, и что эти центры, даже первоначально обслуживая русских офицеров и чиновников, «не могли не оказать благотворного влияния на умы местного населения», требует весьма осторожного и критического рассмотрения. Безусловно, появление новых культурных институций могло открывать доступ к определенным знаниям и практикам. Однако, оценка их влияния как однозначно «благотворного»

является упрощением, игнорирующим сложный и часто асимметричный характер культурного взаимодействия в условиях колониального господства. Необходимо учитывать, какие именно культурные образцы транслировались, насколько они были актуальны потребностям и традициям местного населения, и не сопровождалось ли это «благотворное влияние» процессами культурной эрозии, маргинализации местных традиций или навязыванием чуждой системы ценностей, что несомненно является характерной чертой многих колониальных «цивилизаторских миссий».

Рисунок 5 - Самарканд. Женская гимназия [28]

Утверждение о сугубо положительном влиянии «прогрессивной русской культуры» на искусство узбекского народа также требует детального и критического рассмотрения, чем простое перечисление приезжих деятелей искусства. Безусловно, прибытие в Туркестан, включая Самаркандскую область, русских актеров, музыкантов, художников и архитекторов открывало

для местного населения возможность ознакомления с новыми художественными формами и практиками. Например, творчество В.В. Верещагина, чьи полотна, такие как «У ворот Тамерлана» или «Торжествуют», признаны шедеврами, несомненно, способствовало европейскому (и российскому) «открытию» Центральной Азии. Его стремление, по собственным словам, «понять внутреннюю сторону жизни коренного населения» и восхищение «оригинальностью» местной культуры [2, с. 617] показывают исследовательский интерес и художественное вдохновение. Однако, важно помнить, что этот интерес зачастую проявлялся в рамках колониального взгляда, где «оригинальность» могла восприниматься через призму экзотизации, а сам процесс «знакомства» местного населения с русской культурой был однонаправленным и происходил в условиях неравного культурного диалога, где одна культура доминировала. Вопрос о том, как именно это взаимодействие трансформировало местные художественные традиции – обогащало ли оно их, вытесняло или гибридизировало – остается предметом для глубокого исследования, выходящего за рамки простого признания «положительного» влияния.

В сфере здравоохранения появление первых стационарных медицинских учреждений, например больницы в Самарканде, начавшей работу 5 марта 1870 года [26, с. 166], и открытие в 1885 году специализированной больницы для женщин и детей из числа коренных жителей, безусловно, стали важными нововведениями. Высокая посещаемость последней (44 499 первичных визитов за 9 лет с 1886 по 1894 год) [3, с. 63] свидетельствует о востребованности европейской медицины. Развитие аптечной сети с 1890 года и открытие больниц для местных жителей в Самарканде (на 50 коек) и Катта-Кургане (на 25 коек) [26, с. 167] также расширяли доступ к медицинской помощи. Однако рассматривая эту информацию критически, можно заметить, что эти позитивные сдвиги сопровождались введением платы за лечение и лекарства для местного населения со стороны «царских колонизаторов» (термин источника). Это ставит под сомнение альтруистический характер

медицинской помощи и указывает на ее коммерциализацию, что могло делать ее недоступной для беднейших слоев. Более того, выделение «мизерных сумм» на здравоохранение (1,3 копейки на жителя в 1897 г., 11,7 копейки в 1914 г.) [26, с. 167] на фоне свирепствовавших эндемических и эпидемических болезней указывает на недостаточность усилий имперской администрации в этой сфере. Инициатива «прогрессивных врачей» Самарканда (Дейн, Корчиц, Космачевский и др.) по созданию профессионального общества [26, с. 168] выглядит скорее как попытка компенсировать системные недостатки государственной политики в области здравоохранения силами энтузиастов, чем как результат целенаправленной заботы властей.

После российского завоевания действительно началось активное и систематическое изучение природы, истории и культуры Зеравшанской долины русскими учеными и исследователями. Труды В.В. Бартольда, А.П. Федченко, В.В. Радлова и других до сих пор продолжают сохранять научную ценность [16; 8, с. 389–390]. Но и здесь необходимо учитывать контекст: многие из этих исследований проводились в рамках «военно-научных экспедиций» (как в случае с Д.Л. Ивановым, «Прохорычем»), что подразумевает их тесную связь с военно-стратегическими и административными задачами колониальной власти [7]. Изучение региона было направлено не только на получение фундаментальных знаний, но и на сбор информации, необходимой для эффективного управления и эксплуатации ресурсов. Публикация Ивановым зарисовок ледников и архитектурных памятников, а также сведений о первой самаркандской актрисе Курбан-хане, безусловно, обогатила науку и культуру, но эти знания собирались и интерпретировались в рамках имперского дискурса, где местная культура и история зачастую становились объектом изучения, а не равноправным субъектом научного диалога.

Интерес российских властей к историко-культурному наследию и природным ресурсам Самарканда и прилегающих территорий проявился практически сразу после их интеграции в состав империи, что являло собой

сложное переплетение научных, политических и экономических мотивов. Поиск легендарной «затерянной библиотеки Тимура», инициированный военным губернатором Туркестанского края уже в 1866 году через привлечение ташкентских купцов, является ярким примером того, как мифологизированные представления о «восточных сокровищах» могли стимулировать достаточно прагматичные действия, направленные, возможно, не столько на научное открытие, сколько на символическое присвоение значимого культурного наследия.

А вот деятельность видного востоковеда А.Л. Куна, начавшаяся с 1868 года, демонстрирует более системный подход. Сбор и перевод на русский язык свыше 150 документов из самаркандских медресе, а также организация с 1870 года по поручению генерал-губернатора фон-Кауфмана первых в регионе археологических раскопок, несомненно, имели научную ценность. Однако необходимо критически проанализировать сам процесс «сбора» и последующую судьбу находок. Отправка коллекций древних памятников, монет и других артефактов из Самарканда и Зеравшанской долины сначала в Ташкент, а затем в Россию, где они стали экспонатами Эрмитажа [26, с. 170], поднимает вопросы о праве собственности на культурное наследие и о практике централизации ценностей в метрополии, характерной для колониальных империй. Задействование Куном грамотных местных жителей, таких как Мирза Мулла-Ар-Рахман, в качестве помощников, хотя и свидетельствует о признании их знаний, не отменяет общего иерархического характера этих взаимодействий, где местное население чаще выступало в роли осведомителей или исполнителей в рамках проектов, инициированных и контролируемых имперской администрацией и наукой. Создание Куном планов архитектурных памятников Самарканда для «Туркестанского альбома» также служило двойственной цели: научной фиксации и одновременно репрезентации «экзотического» и покоренного Востока для российской и европейской публики.

Геологические исследования Г.Д. Романовского и И.В. Мушкетова (1874 г.), особенно в части изучения месторождений полезных ископаемых [26, с. 171], и организация сети метеорологических станций с 1878 года (в Самарканде, Джизаке, Пенджикенте, и др.), данные которых легли в основу климатической карты Центральной Азии, составленной Л.А. Молчановым [16], безусловно, имели большую научную и практическую значимость. Однако их вся эта научная значимость неотделима от экономических и стратегических интересов империи, так как разведка ресурсов и понимание климатических условий были критически важны для эффективного хозяйственного освоения и административного контроля над регионом.

Таким образом, признавая несомненный вклад российских ученых и путешественников в накопление знаний об истории, культуре и природе Самаркандской области, следует избегать однозначно апологетических оценок их «самоотверженного труда». Вся их деятельность, заложившая основу для дальнейших исследований, происходила в специфическом контексте колониального управления. Научный интерес и стремление к познанию зачастую шли рука об руку с имперским заказом, а результаты исследований, при всей их объективной ценности, также служили целям утверждения российского доминирования, инвентаризации ресурсов и конструирования образа «осваиваемого» пространства. Поэтому более корректно говорить о сложном и амбивалентном характере этого научного освоения, где научный поиск был неразрывно связан с процессами имперского строительства.

2.2 Трансформация городской среды и культуры: влияние модернизации инфраструктуры

Создание по инициативе «прогрессивно настроенной русской интеллигенции» в Самарканде публичной библиотеки (1870 г.) и областного исторического музея (1874 г.) [26, с. 163] действительно можно рассматривать

как важные шаги в развитии культурной инфраструктуры региона. Однако, при оценке их роли, важно учитывать, что такие структуры, хотя и могли преследовать цель сбора и хранения восточных рукописей, функционировали в рамках имперской системы и, что весьма вероятно, отражали ее приоритеты и представления о культуре. Вопрос о том, насколько доступными и подходящими они были для широких слоев коренного населения, и как они соотносились с традиционными формами хранения и передачи знаний, требует дополнительного изучения. Говоря о творчестве русских художников, таких как И.Н. и Н.Н. Каразины или скульптора Артура Обера, безусловно стоит отметить, что оно способствовало включению самаркандских мотивов в российское и европейское искусство. Тем не менее, как и в случае с Верещагиным, их взгляд оставался преимущественно внешним, а произведения, даже получившие международное признание, часто воспроизводили ориенталистские взгляды, представляя Восток как экзотическое пространство.

Тезис о том, что «мусульманское правление подавляло общественную и частную жизнь», и что «с приходом России мусульманская «закрытая» жизнь стала заметно покидать свои прежние рамки», представляет собой типичное для колониального дискурса противопоставление «отсталого» Востока и «прогрессивного» Запада (в данном случае, в лице России). Не отрицая существования патриархальных норм и ограничений для женщин в доколониальном обществе (что подтверждается цитатой о положении жен [11]), необходимо избегать упрощенных и генерализирующих оценок. Представление о «мусульманской «закрытой» жизни» как о некоем монолитном и неизменном явлении игнорирует внутреннюю сложность и разнообразие социальных практик.

Появление на театральной сцене после 1868 года женщин из числа коренного населения, например таких как Курбан-хан, в действительности было значимым и смелым шагом, бросавшим вызов устоявшимся нормам. Ее трагическая судьба и решение посвятить себя искусству, «наперекор законам

шариата и злобной ненависти фанатиков», заслуживают внимания. Однако определение этого явления исключительно «благодаря присоединению Самарканда к России» и «поддержке и покровительству передовых русских людей» несколько приуменьшает субъектность самой Курбан-хан и других женщин, а также возможные внутренние процессы в местном обществе, которые могли способствовать таким изменениям. Важно исследовать, насколько это «покровительство» было бескорыстным и не служило ли оно также целям демонстрации «цивилизаторской миссии» империи.

Приезд русских театральных трупп с 1880 года и постановка классических произведений, таких как «Горе от ума» или «Ревизор», несомненно, знакомили публику с русским театральным искусством. Утверждение, что деятельность этих театров «сыграла важную положительную роль в приобщении коренного населения к передовой русской культуре», нуждается в дополнительном уточнении: насколько широко коренное население посещало эти театры, каков был языковой барьер, и как именно происходило это «приобщение» – было ли оно пассивным восприятием? Не исключено, что основной аудиторией этих театров оставалось русское и русскоязычное население городов.

Интерес европейских деятелей искусства к Самарканду, выразившийся в создании опер («Самаркандские дервиши» И. Брулла, «Повелитель Самарканда» Ф. Ленкори) и музыкальных произведений [26, с. 166], является частью более широкого феномена ориентализма в европейской культуре XIX–XX веков. Самарканд, с его богатой историей и ассоциациями с Тимуром, становился источником вдохновения, но этот образ часто был романтизирован, экзотизирован и конструировался в соответствии с европейскими представлениями и ожиданиями, далеко не всегда отражая реальную жизнь и культуру региона.

Организация судопроизводства в Туркестане начала XX века представляла собой сложную и многоуровневую систему, отражавшую специфику имперского управления на окраинах. Существование отдельных

народных судов для оседлого и кочевого «туземного» населения, наряду с деятельностью участковых судей по некоторым делам оседлых жителей под контролем съездов, свидетельствует, как писалось в предыдущей главе, о попытке сохранить видимость учета местных обычаев, одновременно интегрируя их в общую имперскую правовую структуру. При этом дела русских подданных в Самаркандской области рассматривались Российским политическим агентством в Бухаре [5, с. 230], что подчеркивало особый статус этой группы населения и разделение правовых пространств по этническому и подданническому признаку, что само по себе является характерной чертой колониальных правовых систем, где правосудие для «своих» и «чужих» часто осуществлялось разными инстанциями и по разным принципам.

Служащая интересам государственной казны, политика царской России в Туркестане с момента его присоединения была направлена на максимальное извлечение доходов, что подтверждается словами К. Палена о крае как о «главной базе наших финансовых расчетов», приносящей свыше 6,5 миллионов рублей ежегодно за счет поземельного налога, оброчной и кибиточной податей [26, с. 174] (рисунок 6). Распространение налогообложения на все типы земель, включая мульковые и вакуфные (за исключением документально подтвержденных «обеленных» с 1868 года), демонстрирует стремление имперской администрации к унификации фискальной системы и увеличению налогооблагаемой базы. Это в свою очередь, неизбежно затрагивало традиционные формы землевладения и могло подрывать экономическую основу местных элит и религиозных институтов, для которых вакуфы служили важным источником дохода.

Решение царского правительства в 1872 году о повсеместной замене натуральной уплаты налогов денежной, а также с взиманием платежей исключительно в российской валюте по курсу, устанавливаемому чиновниками весной, стало поворотным моментом, имевшим далеко идущие социально-экономические последствия. Хотя эта мера декларировалась как упорядочение системы, на практике она ставила дехканские хозяйства,

особенно бедные и средние, в крайне уязвимое положение. Необходимость продавать продукцию на местных базарах (рисунок 7), где доминировала бухарская монета, для последующего обмена на российские рубли по невыгодному курсу, приводила к большим денежным потерям для крестьян. Вся эта ситуация создавала благоприятные условия для обогащения крупных торговцев и предпринимателей, которые, пользуясь нуждой крестьян, скупали сельхозпродукцию по заниженным ценам, а затем перепродавали ее с огромной наценкой или предоставляли кабальные займы под будущий урожай, часто в двойном или тройном размере [26, с. 176]. Таким образом, реформа, формально модернизируя налоговую систему, фактически усилила эксплуатацию, разорение и долговую зависимость крестьянства, одновременно стимулируя концентрацию капитала у посредников и ростовщиков – типичное следствие внедрения монетарной экономики в традиционные аграрные общества без защиты мелких производителей.

Рисунок 6 - Самарканд. Отд. Государственного банка [30]

Введение «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 года, провозгласившего замену прежних налогов единым десятипроцентным земельным налогом от среднего валового сбора, с установлением его размера на шестилетний срок и ежегодной процентной надбавкой, было очередной попыткой унифицировать и «рационализировать» фискальную систему. Однако длительные сроки внедрения этой системы в Самаркандской области – с 1892-1895 гг. в Самаркандском округе, 1899-1901 гг. в Каттакурганском отделе, 1904-1906 гг. в Джизакском районе – свидетельствуют о сложности и, возможно, сопротивлении на местах, а также о бюрократической инерции имперского аппарата. Сама идея «среднего валового сбора» и его оценки чиновниками давала возможность для злоупотреблений и могла не учитывать реальную урожайность конкретных хозяйств, особенно в условиях климатической нестабильности.

Сохранение натуральных повинностей, таких как ремонт дорог и ирригационных систем, наряду с другими денежными налогами, дополнительно утяжеляло бремя, лежавшее на населении. Борьба с нашествиями саранчи, превращавшаяся в «тяжелое бедствие», также ложилась на плечи местных жителей, часто без адекватной поддержки со стороны администрации. В этом контексте утверждение, что налоговые нововведения, несмотря на некоторое упорядочение, служили исключительно интересам колониальной политики, направленной на максимальное извлечение доходов, выглядит вполне обоснованным. Использование «бюрократизированного консервативного царского аппарата» с привлечением местных «лакеев-управленцев» (термин источника) для реализации этих фискальных целей действительно могло способствовать ухудшению положения трудящихся и провоцировать социальные протесты, ведь такая система неизбежно порождала коррупцию и произвол на местах, усиливая эксплуатацию.

Превращение региона, включая Самаркандскую губернию, в рынок сбыта и источник сырья для российской промышленности и аграрного сектора метрополии было логическим следствием «консервативной аграрной и

колониально-шовинистической политики» (оценка источника). Ускоренная специализация районов на производстве определенных сельскохозяйственных культур – хлопководство, шелководство, виноградарство, овцеводство, зерновое хозяйство [26, с. 218] – активно трансформировала местную экономику. Данный процесс, втягивая Туркестан во внутренний рынок Российской империи, а затем и в мировые экономические связи, имел двойственные последствия. С одной стороны, он мог способствовать росту товарности и интеграции в более широкие экономические системы, но с другой – делал регион уязвимым к колебаниям мировых цен на сырье, усиливал его зависимость от метрополии и мог приводить к нарушению традиционных севооборотов и продовольственной безопасности.

Повышенная интенсивность товарно-денежных отношений, стимулируемая специализациями, неизбежно ускоряла социальную дифференциацию крестьянства. Рост числа хозяйств, использующих наемный труд, – с 17 149 в 1897 году [23, с. 112-113] до 23 027 наемных рабочих только в земледельческих хозяйствах в 1917 году [14, с. 23] – и лидерство Самаркандской области по этому показателю в Туркестане свидетельствуют о формировании рынка труда в сельском хозяйстве и расслоении дехканства на зажиточную верхушку и массу обедневших крестьян, вынужденных продавать свою рабочую силу.

В сфере ремесленного производства также наблюдались схожие противоречивые процессы. Появление новых отраслей, ориентированных на нужды колониальной экономики и пришлого населения, сопровождалось упадком традиционных ремесел, не выдерживавших конкуренции с фабричными товарами из метрополии. Разорившиеся ремесленники пополняли ряды формирующегося промышленного пролетариата, находя применение на немногочисленных фабричных предприятиях, развитие которых, как и всей экономики региона, получило мощный толчок после строительства Закаспийской железной дороги. Тот факт, что Самарканд почти десятилетие являлся конечной станцией этой магистрали (до 1898 года),

подчеркивает его ключевую роль как транспортного и экономического узла в системе колониального освоения Центральной Азии.

Рисунок 7 - Самарканд. Вид на Чаар-Су от полицейской будки в базарный день [27]

Строительство Закаспийской железной дороги стало яркой причиной для промышленного развития Самаркандской области, как и всего Туркестана, предопределив его сырьевую направленность. В регионе начали активно формироваться отрасли, ориентированные преимущественно на первичную переработку местного сельскохозяйственного сырья, отвечающие интересам имперской экономики, нуждавшейся в полуфабрикатах и дешевых ресурсах. Динамика роста числа промышленных предприятий иллюстрирует эту трансформацию: если до 1888 года производства, например, вина или спирта, были скорее исключением, то к 1913 году их количество превысило 117. Приведенные цифры за более короткий период еще более показательны: с 1890 по 1900 год число предприятий в Самаркандской области увеличилось с

28 до 87 (рост почти на 268%), а численность занятых на них рабочих возросла с 373 до 1372 человек. Столь же впечатляющим был и рост стоимости годовой продукции – с 604 166 рублей до 6 090 506 рублей, то есть практически десятикратное увеличение за десятилетие. Эти данные свидетельствуют о ускоренном, хотя и специфическом, индустриальном росте, движимым внешним спросом и облегченным новыми транспортными возможностями. Однако сам характер этой промышленности – первичная переработка – показывает, что значительная часть добавленной стоимости создавалась уже за пределами региона, в промышленных центрах метрополии, что является типичной чертой колониальной экономической модели.

Одним из ключевых социальных последствий этого промышленного подъема стало зарождение и постепенное формирование рабочего сословия в Самаркандской области. К 1914 году на 117 фабрично-заводских предприятиях было занято 2814 рабочих, причем значительная их часть – 1421 человек – концентрировалась непосредственно в городе Самарканде [26, с. 223]. Все это, с одной стороны, знаменовало собой появление нового социального слоя с собственными интересами и потенциалом для будущих социальных изменений, а с другой – вероятно, сопровождался тяжелыми условиями труда, низкой заработной платой и отсутствием социальных гарантий, что было характерно для ранних стадий индустриализации, в частности в колониальном контексте. Формирование этого рабочего класса происходило как за счет разорившихся дехкан и ремесленников, так и, возможно, за счет притока рабочей силы из других регионов, что вносило дополнительные сложности в социальную структуру и межэтнические отношения.

Заключение

Проведенное исследование развития социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века, охватывающее период с 1900 по 1917 год, позволяет нам сделать ряд ключевых выводов относительно характера, движущих сил и последствий модернизационных процессов в одном из важнейших городов Центральной Азии, вошедшего в состав Российской империи.

В ходе работы было установлено, что к началу исследуемого периода Самарканд, обладая богатым историко-культурным наследием, представлял собой значимый административный и торгово-ремесленный центр с традиционной, но уже испытывавшей трансформационные импульсы социальной инфраструктурой. Вхождение в состав Российской империи стало причиной глубоких изменений в его административном статусе, демографической структуре и социально-экономическом укладе, заложив основу для последующей модернизации социальных институтов.

Анализ развития системы образования показал, что имперская политика способствовала появлению новых типов учебных заведений, таких как русско-туземные школы и школы для русского населения. Эти институты, с одной стороны, расширяли доступ к светскому образованию и способствовали распространению грамотности, однако, с другой стороны, служили инструментом культурного влияния и подготовки кадров, лояльных имперской администрации. При этом традиционные мусульманские учебные заведения (мактабы и медресе) продолжали функционировать, но их положение и роль постепенно менялись под давлением новых реалий.

В сфере здравоохранения начало XX века было отмечено созданием и развитием стационарных медицинских учреждений и аптечной сети. Это, безусловно, повышало доступность квалифицированной медицинской помощи для части населения. Однако развитие этой сферы было неравномерным, часто ориентированным на нужды колониальной

администрации и европейского населения, а также сдерживалось недостаточным финансированием и сохранением платного характера многих медицинских услуг для коренных жителей.

Исследование трансформации городской среды и культуры выявило активное формирование нового городского пространства, связанное с появлением «европейской» части Самарканда и развитием современной инфраструктуры, в частности, благодаря строительству Закаспийской железной дороги. Это приводило к изменению облика города и повседневной жизни его жителей. В культурной сфере наблюдалось сложное взаимодействие русской и среднеазиатской традиций, которое, несмотря на элементы взаимопроникновения, носило преимущественно асимметричный характер с доминированием имперской культуры. Модернизационные процессы затрагивали традиционные культурные практики, вызывая как их адаптацию, так и стремление к сохранению собственной идентичности.

Таким образом, достигнута цель исследования – всесторонне изучена специфика развития социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века. Решены поставленные задачи: проанализировано развитие образования, здравоохранения и культуры; выявлены ключевые факторы модернизации; оценена степень влияния имперской политики; исследовано взаимодействие культур; определены специфические черты развития Самарканда.

Научная новизна работы подтверждается комплексным подходом к изучению социальной инфраструктуры как единой системы, анализом взаимодействия имперских инициатив и местных традиций на основе разнообразных источников, включая архивные материалы, и выявлением специфических региональных особенностей модернизационных процессов в Самарканде.

Исследование показало, что модернизация социальной инфраструктуры Самарканда в начале XX века была процессом противоречивым и многогранным. С одной стороны, она приносила новые институты,

технологии и культурные образцы, способствовавшие определенному прогрессу. С другой стороны, эти процессы протекали в условиях колониальной зависимости, что накладывало отпечаток на их направленность, темп и результаты, часто отвечая в первую очередь интересам имперского центра. Опыт Самарканда демонстрирует сложную диалектику сохранения традиций и восприятия инноваций в переломный исторический период.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения истории Центральной Азии, проблем модернизации и межкультурного взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более углубленным сравнительным анализом развития социальной инфраструктуры Самарканда и других городов Туркестанского края, а также с детальным изучением восприятия модернизационных изменений различными слоями местного общества.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии в 1863 году. СПб., 1865.
2. Верещагин В.В. Самарканд в 1868 году. (Из воспоминаний художника). Русская старина, СПб, 1888, № 9, стр. 617.
3. Геворков А.А., Фархади Р.Р. Первые русские женщины-врачи в Самаркандской области. Журн. «Советское здравоохранение», М., 1961, № 11, стр. 63.
4. Давыдова С.А. Отчет 1890 г. Кустарная промышленность в Средней Азии. В кн: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. II, СПб, 1894, стр. 46.
5. Долгоруков В.А. Путеводитель по всей сибир и среднеазиатским владениям России. Томск, 1895, с. 230.
6. Рисунок 2 - Дудин С. Базарный день на улице около медресе Шер-Дор. Самарканд. 1902 год. URL: <https://mytashkent.uz/2020/10/28/svidanie-s-istoriej/> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Икрамов Н. Искандаркульская военная экспедиция и начало изучения верхнего Зарафшана. // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskandarkul-military-expedition-and-the-sources-of-the-zarafshan-upper-stretches-study> (дата обращения: 01.11.2024).
8. Известия из Туркестанского военного округа. Военный сборник, 1870, № 12. с. 389–390.
9. История Узбекской ССР, т. II, кн. II, Изд. АН УзССР. Ташкент, 1966, стр. 26.
10. Кары-Ниязов, Т. Н. Школа жизни, Т., 1964, стр. 60.
11. Коран, глава 4, стих 38, перевод Г. Саблукова, Казань, 1877.
12. Ленин В.И. Полное собр. соч., т. 17, стр. 69.
13. Масальский В.И. Туркестанской край. СПб, 1913.

14. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и 1920 г. Выпуск 1. Поволостные итоги по Самаркандской области, Ташкент, Изд-во ЦСУ Туркестанской республики, 1924, стр. 23.
15. Мейендорф Е.К. Статистический взгляд на Бухарию. Северный архив, 1826, октябрь, № 19, 20.
16. Молчанов Л.А. Климатическое районирование Туркестана, Статистический ежегодник, 1917 – 1923 гг., т. I. Ташкент, изд. ТЭС, 1924.
17. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб, 1891, стр. 44.
18. Наливкин В.П. Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края. Ташкент, 1886 г.
19. Обзор Самаркандской области за 1891 г., Самарканд, 1912, стр. 6.
20. Остроумов Н.П. К истории народного образования в Туркестанском крае. К.П. Кауфман - устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877–1881 гг.), Ташкент, 1899.
21. Пален К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. ч. I, отдел II, СПб, 1911, стр. 42–43.
22. Пален К. Уездное управление. СПб, 1910, стр. 8.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого, вып. XXXIII. Самаркандская обл. Спб. 1905, стр. 1, 2, 3, 112, 113.
24. Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина. Записки Русского Географического Общества, т. VI. СПб., 1880. С. 39.
25. Рашидов Ш. Навеки имеем с русским народом. (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). «Коммунист», № 10, М., 1959. стр. 40.
26. Саидкулов Т.С. Самарканд во второй половине XIX - начале XX веков: из социально-экономической и политической истории средней части Зеравшанской долины: учеб. пособие для студентов / Т.С. Саидкулов. - Самарканд: [б. и.], 1970. – 255 с.

27. Рисунок 7 - Самарканд. Вид на Чаар-Су от полицейской будки в базарный день. Первая четверть XX века. Архив Светланы Горшениной. Фонд Коллекция Клода Рапена. Открытки Анонимных изданий. Самарканд, Ташкент, Туркестанский край. URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/23347/> (дата обращения: 01.11.2024).

28. Рисунок 5 - Самарканд. Женская гиназия. Архив Натальи Мозохиной. Фотограф: Изд. фот. Н. Литвинцев и В. Лентовский. начало XX века Фонд Открытки Туркестана конца XIX-начала XX века. URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/24763/> (дата обращения: 01.11.2024).

29. Рисунок 3 - Самарканд. Медресе Ходжа-Ахрар. Первая четверть XX века. Архив Светланы Горшениной. Фонд Коллекция Клода Рапена. Открытки издания Б.А. Шнайдера Самарканд, Сырдарьинская область Туркестанского края. URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/23346/> (дата обращения: 01.11.2024).

30. Рисунок 6 - Самарканд. Отд. Государственного банка. Архив Низами Ибраимова. 1900е-1920е гг. Фонд «Самарканд. Открытки конца XIX - конца XX века». URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/24399/> (дата обращения: 01.11.2024).

31. Рисунок 4 - Самарканд. Студент медресе. Фотограф: Шерер, Набгольц и Ко, издательство. Архив Светланы Горшениной. первая четверть XX века. Фонд Коллекция Франсуа Гишара (Francois Guichard). Открытки издательства Шерер, Набгольц и Ко.) Самарканд, Бухара, Ташкент. URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/23322/> (дата обращения: 01.11.2024).

32. Свод законов, том XI, отделение второе. Об управлении учебными заведениями в Туркестанском крае, статья 89.

33. Соколов В.Д. Москва-Самарканд. Русский вестник. 1894. 12: 160-186 с.

34. Справочник Самаркандской области на 1901 г., вып. III, Самарканд, 1901, стр. 65.

35. Рисунок 1 - Суд казиев (народных судей). первая четверть XX века. Фотограф: М.И. Свишульского магазина, издание. Архив Светланы Горшениной. Фонд Коллекция Клода Рапена. Открытки издания магазина М.И. Свишульского Сырдарьинская и Ферганская области Туркестанского края. URL: <https://ca-photoarchives.net/photos/23366/> (дата обращения: 01.11.2024).

36. «Туркестанские ведомости», 1870, № 4.

37. Федченко А.П. Путешествие в Туркестане. М., 1950. С. 50.

38. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 32.

39. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, с. 31.

40. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, 15.5, с 6; оп. 4, д. 337, лл. 4,5,6,20,22.

41. ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 124.

42. ЦГА УзССР, ф. 5, сп. 1, д. 1, с. 27.

43. Шишкин В.А. Города Узбекистана, Издательство УзФан 1943, с 4-

Приложение А
Динамика численности населения

Таблица 1 – Динамика численности населения (Таблица приведена на основе материалов, собранных Саидкуловым в своем исследовании) [26, с. 106].

Годы	Всего населения по области	В том числе в городе Самарканде
1868	315.533	10-25 тыс.
1870	200.000	30 тыс.
1872	163.185	35-40 тыс.
1883	241.595	26025
1885	437.420	41126
1887	661.160	41777
1888	712.420	41777
1897	860.021	55128
1902	966.085	58194
1907	879.745	69265
1908	908.544	67900
1911	-	87560
1914	-	97530

Приложение Б
Рост населения городов в разные годы

Таблица 2 – Рост населения городов в разные годы (Таблица приведена на основе материалов, собранных Саидкуловым в своем исследовании) [26, с. 108; 4, с. 4].

Наименование городов	1887-1888 гг.	1897 г.	1914 г.
Самарканд	49960	55128	97530
Ходжент	27360	30109	40475
Ура-Тюбе	9105	20621	22922
Джизак	12736	15710	14034
Каттакурган	14015	10087	12089
Пенджикент	2475	3659	5210

Приложение В
Распределение труда по самаркандской области

Таблица 3 – Распределение труда по Самаркандской области (Таблица приведена на основе материалов, собранных Саидкуловым в своем исследовании) [26, с. 111].

По самаркандской области	Всего населения	в % к общему числу (860011)
Сельскохозяйственное население	689258	80.1
Торгово-промышленное население	132570	13.4
Непроизводственное население	38194	4.5